

СЕРГЕЙ ПРИМАЧЕНКО

ТАМ ГДЕ ТАЕТ ЛЁД

18+

Сергей Примаченко

Там, где тает лёд

<https://litres.ru/74167097>

SelfPub; 2026

Аннотация

В землях, скованных вечным холодом, зима стала проклятием: ледяные статуи хранят застывшие мгновения трагедий, а сам воздух будто хочет остановить любое движение жизни. Принц Гюнтер и его отряд бросают вызов колдуну Норвику, чья воля превратила мир в безупречный, но безжизненный кристалл. Им предстоит пройти сквозь Ущелье Мёртвых Рыцарей, встретить врагов и неожиданных союзников — и понять, что истинная сила рождается не из стали и магии, а из верности, сострадания и простого упрямства.

Опасность подстерегает на каждом шагу: лавины, ледяные великаны и сама тишина, которая здесь умеет убивать. Но даже в самом сердце мороза находится место чуду — и порой именно самое скромное существо способно спасти целый мир. «Там, где тает лёд» — история о том, как тепло человеческих сердец оказывается крепче любого льда.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сергей Примаченко

Там, где тает лёд

Пролог

В стародавние времена, когда реки ещё умели смеяться, а ветер носил на спине запахи цветущей вербы, жил в Северных горах колдун по имени Норвик. Он не был ни злым, ни безумным — он просто до смерти боялся беспорядка. Ему казалось неправильным, что листья опадают и гниют, что лёд весной неизбежно трескается, а люди вечно шумят, ссорятся и суетятся.

Однажды ночью, глядя на то, как оттепель превращает его идеальный снежный двор в серую лужу, Норвик принял решение.

— Довольно хаоса, — сказал он своему посоху из горного хрусталя. — Пора вернуть миру покой.

Колдун спустился в самую глубокую пещеру, где бил Источник Живого Тепла. Вода в нём была цвета липового мёда и пахла парным молоком. Именно этот родник каждое утро рассылал по земле невидимые лучи, которые будили цветы и согревали птичьи гнёзда. Норвик достал из рукава Ледяную Звезду — осколок застывшего северного сияния — и коснулся им поверхности воды.

Источник вздохнул и затих. Золотая вода медленно густела, теряя свой медовый блеск. Она становилась прозрачной, звонкой и твёрдой, как драгоценный камень. Последняя капля тепла спряталась глубоко под землёй, испугавшись прикосновения холода.

Норвик выпрямился. Вокруг него всё начало меняться. Снег больше не скрипел тяжело — теперь он пел тонкими стеклянными голосами. Морозные узоры на скалах сложились в идеальные геометрические фигуры. Колдун посмотрел на свои руки: кожа стала бледной и гладкой, словно выточенной из мрамора.

Солнце в тот день не погасло, но стало похожим на старую серебряную монету: оно давало свет, но забрало всё своё золото. Тёплый воздух стал редким гостем. Люди кутались в самые толстые шкуры, пили горячий травяной отвар, но озноб всё равно пробирал их до самых костей. Птицы сбивались в стаи и улетали так далеко на юг, что забывали дорогу обратно. Даже слова изо рта вылетали уже не белыми облачками пара, а крошечными льдинками, со звоном падавшими на землю.

Но мир не умер. Он просто заснул самым крепким, самым красивым сном. Озёра превратились в чёрные зеркала, в которых отражались лишь точёные ели. Поля укрылись бархатными покрывалами, расшитыми бриллиантами инея. Это было суровое, величественное волшебство.

А Норвик поселился в замке, который сам вырос из за-

мёрзших водопадов. Он бродил по залам, где эхо никогда не умирало, касался ладонями застывших струй воды и улыбался. Здесь всё было совершенно.

Лишь иногда, пролетая над уснувшим миром, полярные совы-колдуны видели внизу странное зрелище: там, где тепло пряталось глубже всего — в человеческих сердцах или корнях старых яблонь, — тонкий слой льда начинал едва заметно дрожать, сопротивляясь вечности. Но Норвик только качал головой. Он знал: у сна нет преград. Скоро дрожь утихнет. И наступит совершенная тишина.

Глава 1

Ветер с севера больше не приносил запахов хвои и талого снега. Он пах только льдом и холодным камнем — так пахнет старый склеп.

Принц Гюнтер стоял у высокого окна главной башни, но смотрел не на двор, а на собственное отражение в толстом стекле. Стекло изнутри покрылось густым инеем, превратив мир за окном в мутное пятно. Там, где иней был тоньше, виднелись верхушки чёрных елей. Порывы ветра клонили верхушки к самой земле, и казалось, что деревья исполняют какой-то дивный танец.

— Три недели, Борг, — сказал принц, не оборачиваясь. Его голос звучал глухо из-за натянутого по самые глаза шерстяного шарфа. — Ни одной вести. Ледяная пустошь просто съела их.

Позади послышался тяжёлый вздох, от которого пламя единственной свечи на столе испуганно дрогнуло. Огромный человек в потёртом кожаном доспехе шагнул ближе. Борг, бывший капитан гвардии и воспитатель принца, двигался почти бесшумно для своих габаритов, но пол под ним всё равно отзывался недовольным гулом.

— Твой отец знал, куда шёл. И все рыцари, которые ушли с ним, знали, — прогудел Борг. Слова падали медленно, как камни в глубокий колодец.

Гюнтер резко обернулся. Щёки принца горели нездоровым румянцем — то ли от гнева, то ли от постоянного холода, который пробирался даже сквозь каменную кладку стен.

— Это ничего не меняет! — Гюнтер ударил кулаком по подоконнику. Звук получился сухим, деревянным. — Мы потеряли короля, лучших воинов! А теперь и люди уходят. Но что я могу? Я не в силах их остановить. Они жаждут жизни, а здесь её уже не осталось.

Борг положил свой меч на стол. Громкий стук металла о дерево заставил Гюнтера замолчать. Воспитатель подошёл вплотную. Ростом он был выше принца на две головы и вдвое шире в плечах. От него пахло овчиной, железом и чем-то неуловимым, словно утренний морозец. Так пахла опасность.

— Ты сейчас размажешь меня по этой стене своим криком, мальчик, — спокойно сказал Борг. — Но дворец этим не согреешь. И отца не вернёшь. Норвика нельзя убить сталью. Те, кто пытался, стоят красивым садом у его ворот. Их ошибка была в том, что они шли убивать.

— А я пойду искать, — тихо, но твёрдо ответил Гюнтер. Он снял со спинки стула перевязь с ножами. Руки слегка дрожали, но движения были чёткими. — Я найду Норвика. Мне не нужно его убивать. Мне нужно узнать, куда он дел лето. Где дверь. Должна же быть причина, почему этот безумец запер тепло.

Борг молча наблюдал, как принц проверяет свою амуни-

цию. Затем великан снова взял со стола свой клинок.

— Причина сидит в ледяном дворце и пьёт метель вместо вина, — буркнул он. — Но ты прав. Сидеть здесь бесполезно. Если мы останемся, нас засыплет снегом прямо в кроватях. Едем.

Они вышли в тронный зал. Когда-то здесь пировали сотни людей, музыка сотрясала своды, а в гигантском камине можно было зажарить целого быка. Сейчас огонь погас. Пепел покрылся серой коркой. На резных спинках стульев лежал слой пыли толщиной в палец. Замок вымерз изнутри, сохраняя при этом идеальный порядок. Это пугало сильнее, чем разруха. Холод любил симметрию.

Во дворе их ждали лошади. Животные опустили головы, пряча морды под брюхо. Дыхание не срывалось с их ноздрей облачками пара — оно замерзло прямо на губах, покрывая шерсть серебристой корочкой. Конюх, седлая жеребца Гюнтера, плакал беззвучно. Слезы тут же застывали на его щеках, оставляя белые дорожки соли.

— Возвращайтесь, господин, — прошептал конюх, затягивая подпругу так сильно, что затрещала кожа. — Хотя бы вы возвращайтесь.

Гюнтер взлетел в седло одним движением. Страх никуда не делся — он сидел комом под рёбрами, холодный и скользкий. Принцу было девятнадцать лет, и до прошлой зимы самой большой его проблемой был выбор цвета знамени для турнира. Теперь же ему предстояло ехать в страну вечного

холода.

— Открыть ворота! — скомандовал Борг стражникам, которые кутались в волчьи тулупы у караулки.

Тяжёлые створки поползли в стороны с протяжным скрипом, похожим на стон раненого зверя. В проём ворвался северный ветер. Он не толкнул в грудь, а словно попытался просочиться под одежду тысячей тонких иголок.

Впереди лежала Королевская дорога. Она должна была быть жёлтой от песка и глины, но сейчас представляла собой идеально ровную белую траншею с острыми краями сугробов. Следы отцовского отряда давно стёрла позёмка.

— Куда сначала? — спросил Гюнтер, когда копыта коней выбили звонкую дробь по мёрзлой земле за стенами замка. — Мы так скоро собрались в поход, что даже не узнали дороги.

Его горький смех расстроил Борга. Воин покачал головой. Его огромная фигура возвышалась над принцем, как живой щит.

— С таким настроем лучше сидеть дома. Но я тебя не виню. Только спешка нам не помощница. И поэтому предлагаю пойти на юг, — ответил воспитатель. — Пока твой гнев греет тебя лучше костра, но скоро он выгорит, и останется только озноб. Но мы идём не для того, чтобы погреться на солнышке. Нам нужен тот, кто умеет читать старые книги. Дедушка, Который Знает Всё. Отшельник живёт в пещерах Солнечной долины. Если кто-то и понимает мысли сумасшедшего ста-

рика вроде Норвика, так это он.

Дорога пошла под уклон, спускаясь с Высоких Холмов вниз, в низины. Здесь мороз чувствовался иначе. Если наверху он был острым и режущим, то внизу, в тумане, он стал вязким, липким. Деревья вдоль тракта стояли чёрные, покрытые не снегом, а толстым слоем стеклянной глазури. Ветви ломались сами по себе, без ветра, осыпаясь с хрустальным звоном.

Гюнтер плотнее закутался в плащ. Он смотрел на спину Борга, широкую и прямую. Великан-молчальник никогда не давал лишних советов. Если он едет к отшельнику, значит, клинки действительно стоит оставить пока в своих ножнах.

— Как думаешь, он жив? — внезапно спросил принц, нарушая ритмичное чавканье грязи, которая успела схватиться ледком. — Отец.

Борг долго не отвечал. Его конь мерно переступал через замёрзшую лужу.

— Тот, кто ушёл сражаться с зимой с голыми руками, обычно становится её частью, — наконец произнёс воспитатель. — Держись середины дороги, Гюнтер. По краям может быть опасно — не заметишь, как сугробы накроют тебя.

К вечеру небо стало цвета свинцовой плиты. Темнота здесь наступала не плавно, а падала мгновенно, как топор. Пришлось встать лагерем в развалинах придорожной таверны. Крыши не было, но стены хотя бы отсекали ветер.

Пока Борг высекал искру, пытаясь разжечь жалкий пучок

сухих веток, которые крошились от одного прикосновения, Гюнтер смотрел на горизонт. Там, далеко на севере, где земля сливалась с небом, стояла бледная, мертвенная заря. Она не грела и не светила. Просто висела в воздухе белым пятном. Столб холодного огня, которым Норвик отметил границы своей империи.

— Он думает, что победил, — прошептал Гюнтер в темноту. — Думает, что всё закончилось.

Где-то в ночи прокричала птица. Звук был тонким, вибрирующим, похожим на звук лопающейся струны лютни. Борг замер с кресалом в руке.

— Это не птица, — тихо сказал великан. — Это приспешники Норвика. Спи спокойно, мальчик. Я покараюлю.

Но Гюнтер знал, что не уснёт. Сон означал беспомощность, а он слишком долго был беспомощным наблюдателем в своём замёрзшем замке. Впереди была тьма, а единственным источником света оставался маленький, отчаянно борющийся за жизнь язычок пламени в ладонях великана.

Глава 2

Солнечной эту долину назвали очень давно, когда горы ещё пропускали сюда полуденный зной, а скалы из белого камня до вечера хранили тепло, словно печь. Теперь же они работали как ледяные зеркала — собирали бледный свет северного неба и отражали его вниз, делая невыносимо ярким для глаз, но ничуть не теплее.

Арника узнала о приходе новой волны холода по звуку. В предраассветной тишине треснула старая яблоня у дальнего забора. Звук был сухой и короткий, похожий на хруст ломаемого сухаря. Мороз рвал древесину изнутри.

Девушка выскочила во двор, набросив на плечи овчинный тулуп прямо поверх ночной рубахи. Босые ступни обожгло инеем, который образовался на земле за ночь. Яблоня стояла расколота вдоль ствола. Из чёрной щели медленно сочился сок и тут же застывал длинными прозрачными иглами. К утру дерево покрылось тонкой коркой льда, превратившись в стеклянную фигурку.

— Опять кого-то забрал, — тихо сказал отец за её спиной.

Тит вышел на крыльцо. Он кутался в латаный-перелатанный шерстяной плащ, хотя под ним было надето ещё три слоя одежды. Руки садовника — широкие, с потрескавшейся кожей — безвольно висели вдоль тела. Когда-то эти руки могли заставить цвести камень, теперь же они едва удержива-

ли простую мотыгу. Тит смотрел на сад так, как смотрят на больного ребёнка, которому уже нельзя помочь словом.

— Не стой босиком, дурная, — привычно буркнул он, даже не повернув головы. — Ноги все болезни тащат, лечить некогда будет.

Арника послушно шагнула обратно на скрипучие доски крыльца, но уходить не спешила. Она смотрела на сад. Их дом прилепился к южному склону, здесь всегда было чуть суше и тише, чем на равнине. До прихода Норвика это место называли благословенным. Теперь оно стало ловушкой.

Их жилище состояло из одной большой комнаты с земляным полом, устланным разноцветными половиками, и низкого чердака. Половину пространства занимала глинобитная печь. Её топили только хворостом, который удавалось собрать в расщелинах скал, — настоящие дрова берегли для самых лютых дней. Тепла от печи хватало ровно настолько, чтобы вода в ведре к утру покрывалась лишь толстой коркой льда, а не промерзала до дна.

Но главной бедой был сад. То, что раньше кормило всю округу ранними яблоками и сладкой сливой, теперь умирало мучительной смертью. Деревья стояли чёрные, обугленные не огнём, а морозом. На ветках кое-где ещё держались сморщенные листья, похожие на сухую бумагу. Они тихонько позванивали на ветру — примёрзли намертво.

Отец подошёл к ближайшей яблоне, положил ладонь на ствол. Арника знала этот жест. Так слепые читают окружа-

ющий мир. Тит закрыл глаза, постоял мгновение и тяжело вздохнул:

— Корни схватило. Глубоко. Ещё неделя такой стужи, и она лопнет от корня до макушки.

Арника плотнее запахла тулуп. Отцовская вещь пахла дымом, кислым молоком и старой травой. Этот запах казался единственным островком лета в их выстуженном мире.

Она надела войлочные сапоги и пошла по центральной тропинке, осторожно переставляя ноги. Земля была твёрдой, как железо. Если наступить на невидимую пустоту там, где корни дерева выгнили от лишней влаги перед заморозками, раздавался глухой, пугающий гул. Долина гудела, словно огромный пустой горшок.

У каждого дерева девушка останавливалась. Снимала варежку и кончиками пальцев касалась коры. Сквозь толстый слой грубой древесины она пыталась почувствовать ток сока. Но внутри всё молчало. Жизнь ушла глубоко вниз, спряталась в самом сердце земли, оставив ветви на расправу холоду.

Возле старого персикового дерева Арника присела на корточки. Персики были гордостью отца — теплолюбивые деревья, которые чудом прижились в этой долине благодаря хитрым клумбам из нагретых солнцем камней. Сейчас камни покрылись сизым налётом изморози. Кора на южной стороне ствола вздулась огромным пузырьём. Девушка легонько тронула его пальцем. Кожица лопнула с тихим шорохом, обна-

жив влажную, тёмно-бурую мякоть, которая начала мгновенно белеть на воздухе.

— Гангрена, — прошептала Арника. — Как у людей.

Она достала из кармана тряпицу, плотно обмотала рану и перевязала бечёвкой. Бессмысленный жест. Сад плакал. Сок замерзал прямо в жилах деревьев, разрывая их сосуды острыми кристаллами.

Родник, питавший долину, тоже сдался. Раньше это был весёлый ручей, журчавший между камнями круглый год. Теперь он превратился в цепочку ледяных чаш. Чтобы достать воды, приходилось бить киркой по краю источника. Лёд отзывался низким, протяжным стоном — вода под панцирем сопротивлялась, пытаясь пробиться наружу.

Арника опустилась на колени возле вырубленной лунки. Зачерпнула воду ковшом. Вода была тяжёлой, мутной и обжигала пальцы мертвенным холодом. Даже колодезная вода стала чужой.

— Ты скоро ладони сотрёшь в кровь об эту скорлупу, — раздался голос Тита.

Он стоял рядом, опираясь на деревянную палку. Отец сильно сдал за последний месяц: спина сгорбилась, а походка стала шаркающей. Холод высасывал силы быстрее голода.

— Ничего, — Арника поднялась, протягивая ему полный ковш. — Пока течёт хоть капля, мы живы.

Тит пил долго, шумно глотая. Вытер рот рукавом.

— Южане ушли вчера, — сказал он, глядя куда-то поверх

головы дочери. — Весь нижний посёлок снялся. Говорят, внизу, в болотах, ещё можно найти прошлогоднюю клюкву. Иди собери мешок соломы со стропил. Будем укрывать корни розам. Это их последняя ночь без одеяла.

Арника кивнула и направилась к сараю. Внутри пахло пылью, мышами и сухим сеном — запахом лета, запертого в четырёх стенах. Она взяла тяжёлые вилы и поддела пласт слежалой соломы. Под ней, в старом холщовом мешке, хранилось главное сокровище. Семена.

Мать оставила их Арнике два года назад. Десятки маленьких узелков с горохом, фасолью, зёрнами пшеницы, семенами редкого синего мака и огуречной травы. «Люди уйдут, если станет совсем худо, — говорила мать, глядя дочь по волосам. — А семена останутся. Им некуда идти. Храни их, девочка. Это наша память».

Арника вытащила один мешочек. Провела по нему щекой. Семена были холодными и твёрдыми, как камешки. Но она знала: внутри них спит жизнь. Маленькая, свернувшаяся клубком весна, которой просто нужно немного тепла, чтобы проснуться.

— Мы никуда не пойдём, да? — спросила она вечером, когда они с отцом сидели у открытой дверцы печи. Огонь жадно пожирал последние сухие ветки боярышника, бросая красные блики на их лица.

Тит долго молчал, грея узловатые руки над пламенем.

— Куда нам идти? — наконец ответил он. — Здесь наш

дом. Пусть мёртвый, пусть холодный, но свой. Пока я могу воткнуть в землю хотя бы одну лопату, я буду копать. А ты... ты следи за печью.

Ночью Арника долго не могла уснуть. Она лежала на своём тюфяке, слушая, как трещит от мороза старый дубовый косяк. За окном, в почерневшем саду, метался ветер. Он швырял в ставни горсти колючего снега и выл голосом голодного зверя.

Где-то там, далеко на севере, в ледяном замке, сидел колдун Норвик. Арника никогда его не видела, но сейчас всем своим существом чувствовала его присутствие. Оно ощущалось как тяжесть на груди, как чужое дыхание в затылок. Колдун не просто убивал холодом. Он наводил порядок. Жестокий, ровный, блестящий порядок смерти.

Арника подтянула колени к животу, кутаясь в ворох старых одеял. Протянула руку и коснулась мешочка с семенами, который положила под подушку. Семена ответили ей спокойным, глубоким холодом вечности. Завтра снова придётся бить лёд у родника. Нужно спасти хотя бы одно ведро тёплой воды для корней молодой вишни. Лето сжалось до размеров одного маленького семечка, спрятанного в темноте под головой девушки.

Глава 3

Солнечная долина оправдывала себя лишь названием. Здесь не было пронизывающего до костей ветра Высоких Холмов, от которого Борг кутал лицо в волчий шарф. Но холод здесь был другим — он пах гнилью и медной окалиной.

Они выехали из-за поворота тропы прямо на край сада. Гюнтер невольно натянул поводья. Жеребец под ним захрапел, перебирая копытами мёрзлую землю. Принц ожидал увидеть запустение: чёрные скелеты деревьев, сугробы, мёртвую тишину. Вместо этого перед ними раскинулось кладбище хрусталя. Каждое дерево — яблоня, слива, старая груша — было заключено в прозрачный ледяной панцирь. Ветви не гнулись под тяжестью снега, они были идеально ровными, покрытыми толстой коркой, внутри которой застыли сморщенные бурые листья. Солнце, бледное и равнодушное, било сквозь этот лёд, преломляясь тысячей острых граней. Сад оставили без одежды и залили жидким стеклом.

— Он сопротивляется, — тихо сказал Борг. Его голос прозвучал глухо, словно вяз в невидимой паутине тумана. — Лёд нарастает снаружи. Дерево ещё тёплое изнутри. Пытается вытолкнуть мороз.

Гюнтер ничего не ответил. Идеальный порядок Норвика вызывал у него тошноту. Это была красота могилы.

Хрустнула ветка. Не как стекло, а по-живому, влажно.

Из-за ствола старой яблони вышла девушка. Она двигалась бесшумно, хотя её войлочные сапоги утопали в глубоком снегу. На ней был мужской овчинный тулуп, надетый прямо поверх грубого льняного платья, а голову покрывал серый шерстяной платок. В руках она держала садовую пилу с мелкими зубьями. Девушка остановилась в десяти шагах, тяжело дыша. Пар оседал инеем на её ресницах. Она смотрела на чужаков без страха, но с тяжёлым, взрослым вниманием человека, которому слишком часто приходилось считать оставшиеся поленья дров.

Первым нарушил молчание принц. Он выпрямился в седле, стараясь придать себе достойную осанку, но голос и горькие слова выдали его смущение и усталость:

— Я принц Гюнтер. Наше королевство вымирает. Посевы гибнут, зверь уходит из леса, даже птицы облетают наш край стороной. А теперь и люди уходят. Мой отец с отрядом ушёл, чтобы сразиться с колдуном, но не вернулся. Я иду по его следу. И не будет пощады Норвику.

Девушка перевела взгляд с принца на Борга, затем на его ножны.

— А я Арника, — сказала она просто. Её голос оказался неожиданно низким и чуть хриплым, сорванным от мороза. — Мы живём в долине. У моего отца чудесный сад. А теперь он гибнет. И нам тоже придётся покинуть свой дом, нашу солнечную долину.

— О, как мне это знакомо, — горько усмехнулся Гюнтер.

Впервые за три недели пути кто-то произнёс слова, которые полностью описывали пустоту у него под рёбрами.

Арника сделала шаг ближе. Теперь она стояла так близко, что могла бы коснуться стремени. От неё пахло дымом, кислым молоком и чем-то сладковатым — запахом мороженых яблок.

— А что ты делаешь в наших краях? — спросила она.

Вопрос был задан без должного почтения к титулу, и Гюнтер почувствовал странное облегчение.

— Мы ищем одного отшельника. Он живёт в пещере где-то в этих горах. Его ещё называют Дедушка, Который Знает Всё. Я хочу разузнать подробнее о колдуне и пропавшем лете.

Лицо девушки дрогнуло. Настороженность исчезла, уступив место лихорадочному блеску в глазах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.